

МИХАИЛ ФЁДОРОВ

ДЕЛО СТУДЕНТА ПУТИЛИНА

ПОВЕСТЬ

Две тысячи двенадцатый год выдался для адвоката Фебина урожайным — он не вылезал из судов и из полиции. В последнюю декаду декабря уехал из Воронежа в столицу проведать внучку Софийку, и его зацепило. В холле огромного супермаркета умоляла вступить за её сына мать студента, которого поймали при передаче наркотиков.

— Лёша ни в чём не виноват! Ему нужно учиться, а тут...

Федин понимал, какая опасность нависла над сыном этой неприметной блондинки, которая постоянно расправляла слипшиеся волосы на голове.

— Нам нужны вы... Нам не нужна москвичка...

Мать, словно боясь куда-то опоздать, сбивчиво говорила про московскую адвокатессу.

— Она даже не была на допросе! — восклицала. — А всё подписала...

Федин оглядывался по сторонам, не желая привлекать внимание снующих вокруг покупателей, и сторонился к витражу.

— Ну, как так можно! — наконец возмутился поведением коллеги.

А мать нагнетала:

— Опер вымогал! Сказал мне: “Несите сто пятьдесят тысяч рублей — и пойдёт по слабой статье. А пятьсот тысяч — дело прикрою”. Я: “Да откуда

ФЁДОРОВ Михаил Иванович родился в 1953 году в Вологде в семье офицера. Окончил ВГИК, сценарный факультет. Член Союза писателей России. По профессии адвокат. Автор книг “Ментовка”, “Сестра милосердия”, “Пузыри на воде”, “На полях гражданской”, “Герои Сирии. Символы российского мужества” и многих других. Печатался в журналах “Наш современник”, “Москва”, “Молодая гвардия”, “Воин России”, “Роман-журнал XXI век”, “Новая книга”, “Россияне”, “Искатель”, “Сельская молодёжь”, “Братина”, “Адвокат”, “Полиция России”, “Урал”, “Дон”, “Подъём”, “Сура”, “Дальний Восток”, “Южная звезда” и др. Живёт в Воронеже.

они у меня?” А он: “Вам на всё сорок минут”. Где же я ночью найду такие деньги!

— Взятка, — проговорил Федин и добавил: — Какие дела творят...

Мать рассказала, как позвонила по “02” и выложила про вымогателя.

— И вы думаете, они захотели со мной говорить?! — воскликнула в сердцах.

— Хм, — Федин понимал, что должна была последовать немедленная реакция и задержание сыщика с поличным.

— Они мне только: мы зафиксировали сообщение...

Он согласился помочь студенту и сразу почувствовал, в какое склочное дело попал.

В Москве Федину пришлось задержаться. Он созванивался со следователем, тот назначал время встречи, а потом перезванивал и откладывал. Предчувствуя, что дело пойдёт мимо него, Федин приехал в отдел в неурочное время: кабинет оказался открыт. В глубине сидел похожий на мальчишку лейтенант.

Когда тот узнал, кто пришёл, то резко встал и двинул к выходу:

— Я вас не приглашал! Я занят! У меня другое дело!..

Но Федин проявил настойчивость и договорился на завтра. Стоял на снежной корке: “Какой чёрт меня дёрнул согласиться! Это всё твоя мягкотелость. Надо, наконец, научиться отказывать. Вот как этот упёртый лейтенант. Гнёт своё, а ты...”

Он пожалел, что оказался в деле, которое грозило вымотать ему все нервы и от которого не мог отказаться.

— Лейтенант, ты же сказал “точно в десять”, — изловив на другой день Миколайчука, с негодованием спросил Федин.

Миколайчук скривился. Затея “кинуть” адвоката на этот раз не удалась. На этот раз разговор состоялся.

— Мне нужны копии протоколов следственных действий с участием студента, — присел у стола Федин.

Миколайчук, насупившись, молчал.

— Путилина. — Федин для ясности назвал фамилию.

Миколайчук молчал.

— И чтобы ты заранее вызывал меня на следственные действия с ним... Ты меня слышишь? — Федин подёргал за локоть следователя.

— Не лапайте, я вам не девка! — прорвался визгом лейтенант.

— Слушай, ты! — не выдержав, Федин ударил ладонью по столу. — Я что к тебе, на свидание приехал?! Мне что — к прокурору пойти?!

— Да хоть к папе римскому! — воскликнул Миколайчук и вдруг сбавил тон: — Документы? Завтра будут.

На душе у Федина всколыхнулось: хватит кормить завтраками! Только сейчас, сию минуту! Но боясь обострения момента, сдержался:

— Хорошо... Мне это... Это... Это...

Следователь что-то нервно записал на настольном календаре.

Когда Федин снова спускался по лестнице, его раздирали противоречивые чувства: с одной стороны, своего вроде добился — состоялся разговор со следком, а с другой — ему надоели игры в кошки-мышки, и он не знал, как долго они продолжатся.

Федина не выпускала столица: домашние тепло и уют каким-то сладостным воспоминанием витали в его сознании, и ему, уже надоевшему знакомым, пришлось переехать на квартиру матери студента. Федину освободили комнату Алексея, в которой навалом на столе, на полу, на стеллажах лежали диски, учебники, тетради, в углу стоял велосипед, одеяло накрывало раздвинутый диван, два компьютера стояли на стульях. Студент на время переехал в комнату матери, в которой та жила вместе с бабушкой.

Федина кормили вечером, перед тем как лечь, кормили утром, но всё равно еда отличалась от той, которой потчевала его жена, да и диван студента казался постылой кроватью в сравнении с двухметровым матрасом, где мог разбросать руки и ноги.

Когда адвокат собирался к следователю, тот опередил его звонком:

— Приходите только с Путилиным.

Федин хотел было спросить “А зачем?” — но только ответил:

— Хорошо.

Миколайчук должен был отдать документы, а тут почему-то потребовался студент.

Боясь резких событий: ареста студента, ведь тот шёл по статье, которая грозила огромным сроком, он попросил мать Алексея:

— Вы с нами можете пойти?

Та с пониманием кивнула головой.

— Вы должны стараться всегда быть рядом с нами. Чтобы, если что, поднять шум...

— Я поняла, на всякий случай...

В положенный час они стояли у кабинета следователя, дверь в который оказалась опять закрытой. К ним подошёл коренастый, упитанный молодой человек в гражданке и сказал:

— Вас начальник розыска ждёт...

— Мы к следователю... — сказал Федин.

— Это потом...

“Что-то затевают”. — Федин посмотрел на мать.

— Этот был с тем, кто вымогал, — она показала в спину шедшему впереди молодому человеку.

“Опер”, — понял адвокат. Подойдя к двери с табличкой “Начальник уголовного розыска”, Федин взял за руку Алексея:

— Смотри, ничего лишнего... А так, слушай, что я...

Опер показал матери рукой: останьтесь в коридоре. Федин с Лёшей зашли в кабинет, в узком пространстве которого у окна сидел можаваый ша-тен в пиджаке и футболке.

Опер закрыл за собой сзади дверь. Начальник повернулся и с ходу ска-зал Путилину:

— Ты обещал с нами сотрудничать.

Федин опешил.

— Мы тебя поэтому и отпустили, что ты сказал... Но пока никаких ша-гов от тебя не видно...

До Федина дошло: Алексея после поимки отпустили, а вот насчёт того, чтобы сотрудничать с полицией, он услышал впервые.

И, глядя на Алексея, спросил:

— Ты можешь рассказать всё, что знаешь, кто продаёт, кто привозит...

— Мы это и без него знаем, — оборвал начальник розыска. — Нам нужно другое...

— Не понял...

— Он знает, — жёстко сказал розыскник. — Так почему ещё никого не уговорил?

— Пойдите, мне-то объясните, — вмешался адвокат.

— Он, — начальник посмотрел на студента, — обещал, что найдёт, кто ему продаст наркотики...

— Зачем?

— А мы его на сбыте и хлопнем...

— Подождите, но сами можете в институте, если всё знаете...

— Нам не надо в институте... Надо на нашу территорию вытащить, — даже скривился начальник розыска.

Федин понял, какую помощь ждали от Путилина. Не найти наркобо-ров (они и сами их знают!), чтобы изолировать, посадить, а уговорить од-нокурсника достать наркотики, вытащить на территорию Димитровского от-дела, где того возьмут с поличным.

Выходило, самим организовать сбыт наркотиков и на этом заработать: взятку выудить у родни бедолаги, получить премию по службе, одним сло-вом, урвать. Федину сделалось страшно: полиция, вместо того чтобы бороть-ся с преступным миром, создавала видимость борьбы, убивая людей. Попи-рались все мыслимые и немыслимые нормы поведения. Вместо спасения

власть пожирала человека. И такое имели наглость назвать сотрудничеством! Сгорая от негодования, Федин спросил:

— Алексей, ты на такое согласен?..

Видя, как внутри у того тоже кипит, произнёс:

— Дайте нам время... Мы подумаем и дадим ответ...

Боясь, что студент не выдержит и смалодушничает, под руку вывел в коридор. И оттуда — из отдела.

Ему отчётливо представилась игра, которую повели следователь с сыщиками, втягивая адвоката со студентом в грязное дело, при этом не давая осуществлять защиту.

По хрустящему снегу шли к остановке.

— Ну, падла! — вырвалось из адвоката.

— Кто падла, кто? — рядом ступала мать студента.

А Алексей, как собачонка на поводке, сзади.

Мать рассказала, что в коридоре видела опера, который вымогал у неё деньги, а тот ходил как ни в чём не бывало.

— Совсем оборзели... Даже не прячутся...

Адвокат рассказал, что предлагали её сыну, мать остановилась, взяла его за руки и сказала:

— Нет, Лёша, на это ты не пойдёшь... Сволочи! С ума сошли!

— Сами создают преступность! — возмущался Федин. — Я был следователем, но у нас до такого не додумались!

Он видел, как низко пала милиция, теперь — полиция, с той поры, когда он уволился, и поглядывал на идущую рядом женщину, боясь, как бы она не упала в обморок.

Миколайчук, скрипя зубами, отдал Федину постановление о возбуждении уголовного дела в отношении студента Путилина.

— Раз, — адвокат спрятал лист в портфель.

Постановление о привлечении Путилина в качестве обвиняемого.

— Два...

Копии протоколов его допроса в качестве подозреваемого и обвиняемого.

— Три, четыре...

Всё, что до поры прятали от неугодного адвоката.

Федин увидел, что навешали на Лёшу и какую свинью подложила парню московская адвокатесса Марьева: подписала постановление о привлечении в качестве обвиняемого, при предъявлении которого не была, протоколы допросов студента, составленные следователем Миколайчуком... Одним словом, утопила.

Путилин оправдывался:

— Я ему не предлагал гашиш... Это он названивал мне весь день...

— Не было сбыта, а была провокация, — так юридически определил поведение оперов Федин.

В отделе к ним пристал детина. От него отдавало перегаром. Он назвался опером из соседнего отдела, бравировал знакомством с операми и следователем, настаивал на том, чтобы его попросили помочь:

— Мне стоит попросить Миколайчука... Прикроет дело... Только это будет стоить...

Федин видел, как коробило мать студента: ей уже ночью предлагали.

Детина заглядывал к Миколайчуку в кабинет, с умным видом выходил и подзывал в сторону:

— Ну, надо тысяч... — и показывал пальцами.

— Чего? — выпучил глаза Федин.

Детина вывел пальцем “\$”.

Федин видел игру, какую повели полицейские, и, боясь оплошности от Лёши и его матери — ещё клонут, поедут за деньгами, и тогда Лёша ещё загремит по даче взятки, — принимал удар на себя. Гады! Нет, чтобы отстать, так новые подставы!

Когда детина увязался за ними и предложил сесть в его машину, Федин махнул матери и её сыну:

— Скорее на остановку...

Они ускорили шаг, рискуя поскользнуться.

— Будьте осторожны... — крикнул им вслед Федин: — С ним нельзя общаться... А тебе, Лёша, лучше из института сразу домой. И не выходить...

Вскоре мать студента вызвали в службу собственной безопасности московской полиции. Она написала объяснение, как у неё вымогали сто пятьдесят тысяч и пятьсот. Адвокат нервничал:

— Борцы со взятками! Месяц прошёл с момента сообщения, а они только спохватились.

Оэбешники показывали матери фотографии оперов. Она узнавала:

— Этот вымогал... Я его видела в отделе...

— А вы не обманываете? — спрашивала подполковник из службы безопасности.

— Нет, я помню хорошо.

— А если полиграф пройти?

— Я согласна.

Федин потом сказал матери студента по телефону:

— Только благодаря вашему звонку по "02" Лёшу не закрыли. Они почувствовали, что вляпались. И теперь от вас бегают...

— И от вас. Вы же не пошли на сделку с совестью, как Марьяна...

Федина бесило — в стране на каждом углу трещало: "Борьба с коррупцией!" А конкретным фактом занялись спустя месяц! Упущены доказательства. Вместо того чтобы взять с поличным, тянули время. Так поступали только повязанные с полицией оэбешники.

Вскоре объявился следователь:

— Надо предъявить обвинение... Ознакомьтесь с делом... — произнёс он скороговоркой.

"Да, не остановила их история с взяткой, — с огорчением подумал Федин. — Всё-таки дальше прут".

В начале второй декады февраля Федин снова ехал в Москву. Поезд донёс его до столицы за семь часов. В вагоне подземки домчал до метро, где его ждали студент с матерью. Переступая лужи меж льдин, они вышли на площадку маршрутки.

Скользя по таявшей поверхности, двигались от остановки маршрутки до отдела полиции.

— Снова свалит, — сетовал Федин, поднимая для равновесия портфель, чтобы не упасть.

К удивлению, Миколайчук оказался на месте. Сухо бросил на стол скреплённые степлером листы:

— Читайте...

Федин рассчитывал, что следователь повторит прежнее постановление о привлечении в качестве обвиняемого, и у него будет повод возразить: повторно по одному и тому же обвинению допрашивать нельзя. Но Миколайчук словно предвидел возможные шаги неудобного адвоката и исправил постановление. Допрос Лёши прошёл формально: без лишних вопросов и ответов. Федин только следил, чтобы студент не сказал чего-нибудь лишнего. И когда тот только начинал уходить в сторону, наступал ему под столом на ногу.

— Завтра ознакомление, — сказал следователь, забирая подписанный протокол.

— Давайте с утра, — попросил Федин. — У меня поезд в 15-20...

Следователь на секунду-другую задумался и:

— Ладно, в 12....

— Только чтобы дело было прошито и пронумеровано, — предупредил Федин.

— Само собой разумеется.

Федин поехал на квартиру к студенту. Надо было приготовить бумаги, которые помещали бы следователю направить дело в суд.

До полуночи Федин набирал на компьютере заявления, студент потом распечатывал. Они собирались передать их Миколайчуку сразу после ознакомления с делом и срезать наповал.

Федин с Путилиным приехали к следователю раньше.

— Половина двенадцатого. — Федин посмотрел на циферки на сотовом. Миколайчука на месте не оказалось.

Вспомнил, как в первый раз тот прятался в туалете, и рассмеялся. Приходилось ждать. В полдень Федин позвонил:

— Где вы?

— Да на осмотр попал... Сейчас приеду... — бодро ответил следователь.

— Снова отмазка? — спросил студент адвоката.

Федин пожал плечами. Прикинул: “Поезд в 15 часов 20 минут. До вокзала добираться полтора часа. Выхать нужно не позже 13 часов 50 минут... Время ещё есть”. Следователя всё не было. Федин нервничал. Хватался за ручку написать заявление: вы, такой-сякой, не пришли вовремя, я вынужден был уехать. Не ознакомиться.

И только ещё более раздражался. В 12-40 минут снова позвонил:

— Вы что, совсем...

— Через 15 минут буду...

— Может, в туалет сходим, проверим? — предложил студент.

— Нет, надо ловить здесь, — ответил Федин и снова глянул на сотовый. — На всё про всё остаётся минут сорок.

Алексей тоже нервничал, хотел отойти покурить, но Федин сдерживал:

— Ты что! Сейчас не до курева!

Следователь пришёл в час. Не здороваясь, открыл кабинет, быстро прошёл в комнату, вытащил из сейфа огромную папку и положил на стол.

— Знакомьтесь...

Федин поставил портфель на стул, достал фотоаппарат, собираясь сначала отснять дело.

Но только приоткрыл корочки, как:

— Не прошито и не пронумеровано! — вырвалось из него.

Листы в беспорядке лежали в папке. С таким делом он не стал бы знакомиться и под пистолетом. Знал, сколько могут насовать в непрошитое и пронумерованное дело бумаг следователя.

Миколайчук невозмутимо:

— Сейчас прошью...

Миколайчук потянул к себе том, сдвинул листы. Откуда-то вытащил иглу и стал прокалывать пачку листов. Видя такое, Федин сел, вытащил чистый лист, стал писать: “Прошу предоставить дело в прошитом и пронумерованном... как требует закон...” Следователь и адвокат будто соревновались: следователь шил, а адвокат писал. Рука у адвоката тряслась, надо было написать два экземпляра заявления: один — в дело, другой — для себя. Кончик шариковой ручки цеплялся за ворсинки на бумаге. Боковым зрением Федин видел, как следователь делал одну дырку за другой. Студент с интересом наблюдал за поединком юристов.

Федин протянул лист:

— Вот вам моё заявление. Возьмите...

Следователь, уколовшись:

— Ай! Не возьму...

— Возьмите и распишитесь на втором экземпляре... — потребовал адвокат.

— Не возьму и не распишусь...

Федин понял, что пройдёт ещё несколько минут, и Миколайчук дошьёт дело, пронумерует и отдаст для ознакомления, и тогда уж он точно опоздает на поезд. Что делать? “К начальнику, — мелькнуло в голове Федина. — Но тот всё поймёт и придержит у себя...” Он упустил драгоценное время. В голове промелькнуло: сдать в канцелярию. Выскочил в коридор, дернул дверь канцелярии. Закрыто! Теряя надежду, постучал. К его нескрываемой радости, дверь открылась. Из проёма выглянула секретарь-девчонка.

— Примите!

— Перерыв...

— Штамп только поставьте... Я из Воронежа...

Говорил, боясь, что секретарь пойдёт к Миколайчуку и тот отрежет:

— Ни в коем случае не бери...

— Но у вас нечётко написано, — уже делала замечания, рассматривая лист, секретарша.

Федин приложил лист к стене, дописал ещё более трясущейся рукой несколько слов и:

— Я на поезд опаздываю...

Видимо, ссылка на Воронеж подействовала.

— Нате, — секретарь протянула второй лист со штампом.

Он готов был её расцеловать, кинулся к кабинету Миколайчука. Схватил со стола фотоаппарат.

— Пошли! — бросил студенту.

Видел, как ругаясь матом, работал иглой следователь.

— Подождите, я сейчас, — летело вслед сбегающим по лестнице адвокату и его подзащитному.

Федин крикнул в ответ:

— Я в прокуратуру...

— После прокуратуры приходите...

— Ага, выкуси... — подмигнул Алексею.

Они доехали до метро, где в холле Федин надиктовал студенту заявление, которое тот должен был сдать в прокуратуру, помахал ручкой и нырнул на эскалатор в подземку.

— Пусть подёргается...

Студент Путилин возвышался над турникетом и ничего не понимал.

Вытирая пот с шеи, Федин вбежал в поплывший вагон:

— Успел... Теперь меня не достанешь! — мысленно помахал кулаком Миколайчуку.

Ехал в поезде. Его распирало от жары: сквозь стекло припекало спускавшееся с небосклона светило. Изнутри жарил горячий чай, который он пил чашку за чашкой. На коленях, как рыбка, подпрыгивал сотовый телефон. По номеру определял: “Следак...” Звонок обрывался после десятка гудков, после снова раздавался и снова прекращался. Связь то восстанавливалась, то пропадала в зоне недосягаемости. Федин представлял, как мечется по кабинету следователь, и его распирало от чувств. Так тебе! Вспомни, как прыгался в туалете! Сделал из студента несущку! Нести яйца раскрытых преступлений! Звания, бабки, ордена получать! Вас сажать за это надо!

И только тут вспомнил, что и в эту поездку не проведал внучку Софью. А звонки продолжались, пока ехал до Рязани. Уже скоро шесть вечера, а он всё звонит... Давай, давай, наяривай!

Когда подъехали к Мичуринску, частота звонков спала. В Грязях и вовсе прекратились. Сдох, чертило! Он наказал следователя по полной программе. В ногах стоял портфель с бумагами, которые планировал использовать против следователя в следующий раз.

Утром звонила мать студента и рассказывала, как ни свет ни заря подняла трубку. Это оказался следователь. Он ругался матом, поминал адвоката последними словами, требовал срочно прибыть. Федин спокойно произнёс:

— Скажите ему, что я в Воронеже...

Через час поднял сотовый. Оттуда ласковым голосом раздалось:

— Дело прошито, пронумеровано. Когда приедете?

Он хотел и тут пощипать самолюбие лейтенанта, но особо препятствовать не стал и обещал появиться в конце недели. В пятницу переворачивал ровно сложенные, прошитые и пронумерованные листы. Фотографировал. Миколайчук чихал, кашлял и пристально следил за кропотливым трудом адвоката. Желая скорее избавиться от воронежца, нарочно отвлекал:

— Вам чайку? Кофе?

— С каких это пор такое внимание...

— А у нас ко всем хорошим людям повышенное внимание, — давился кашлем лейтенант.

— Лучше вы попейте...

— Мне это уже не поможет...

“Тебе много что не поможет”, — зловеще пронеслось в голове Фебина. Он знал, как одного адвоката угостили и “скорая” увезла. Фебин среди листов увидел купюры в прозрачном пакете:

— Это что?

— Меченые деньги...

— Которые использовали сыщики...

— Они самые...

Студент внимательно просмотрел каждую купюру. Сфотографировав том, Фебин заново просматривал каждый лист и что-то помечал в тетрадку. Следователь ходил из угла в угол и сморкался.

— Где ж вы так простыли? — спросил Фебин.

— Да с такими, как вы...

— А что, таких много?

— Попадаются...

Фебин не хотел упустить ни одного мало-мальски значимого прокола Миколайчука. Рядом сидел и часто дышал студент. Видя, как извёл лейтенанта, Фебин счастливо потянулся и произнёс:

— Давайте протокол, мы закончили...

Со студентом расписались в протоколе, отчего следователь вдруг просиял и крепко-крепко пожал каждому руку, надеясь расстаться навсегда.

— Я сегодня отнесу дело прокурору...

— Не надо сегодня, — сказал Фебин. — У нас будут ходатайства...

— Давайте, я их рассмотрю...

— Лучше мы их сами сдадим. — Фебин понимал, что следователь может его бумаги выкинуть в урну. Он встал, прошёл в канцелярию, где сдал девчужке-секретарше заготовленные ещё в прошлый приезд заявления, от которых у следователя глаза должны полезть на лоб: об адвокате Марьевой, которая обязана была присутствовать при предъявлении обвинения и при допросе студента, а её не было; о взятке, которую тянули с матери студента сыщики, а решения по взяточникам нет; требовал допросить мать студента и бабушку, которые прояснили бы всё о взятке и об адвокате Марьевой, одним словом — подложил под Миколайчука бомбочки!

Жизнь напрягала и отпускала адвоката. Огорчил уход из жизни писателя, с которым плотно общался. Но разделался с делом дочерей сбитого стоматолога — наказали обидчика. Отбил от богатеев квартиру инженера, хотя богатеи обещали жаловаться выше. Выиграл в арбитраже дело газовика, взыскав долг в полмиллиона и вдвое превысившую его пеню.

Давало о себе знать московское дело. Следователь точно свихнулся: ночью вызвал студента в отдел. Пытался замазать грехи, которые выявил адвокат после ознакомления с делом. Заставлял Лёшу задним числом написать отказ от адвоката Марьевой, которая должна была присутствовать на следствии, но от обязанности уклонилась, и теперь давил:

— Пиши: “Мне не нужна адвокат Марьева...” И дату поставь ... декабря....

— Сейчас февраль.

— Декабрь ставь!.. — ругался на чём свет стоит Миколайчук.

— Не буду, — упёрся Алексей.

Следователь хотел вырвать лист, но Путилин прижал его локтем к столу и вывел: “... Февраля...”

— Что ты делаешь?!! — от визга Миколайчука проснулись полицейские в дежурке.

Дата об отказе после окончания расследования сводила хлопоты следователя на нет.

— Я тебя!!!

Приезд в отдел мог закончиться для студента плачевно, но выручили его мать и бабушка, теперь безотлучно сопровождавшие Лёшу.

Через несколько дней следователь опять объявился: потребовал от студента получить обвинительное заключение. Выходило, прокуратура пошла

у Миколайчука на поводу: утвердила обвинительное и не отправила дело назад.

Федин советовал Путилину:

— Нельзя бежать впереди паровоза!

— Так мне идти за обвинительным или не идти?

— За обвинилровкой не ходи!

Потом сутки переписывался с Алексеем по интернету и посылал бумаги, которыми хотели отбить очередную волну наступления прокурора и следователя.

За полночь Федин получил сообщение: “На заявление о взяточниках пришёл ответ: “Не нашло объективного подтверждения”.

— Преступники! — рвалось в темноту комнаты, которую освещал монитор адвоката. — Крутом кричат: схватка с коррупцией не на жизнь, а на смерть, а на деле — одна брехня!..

Крик разбудил жену. Говорил ей, стоящей в дверях в халате:

— Представляешь, три месяца мурыжили заявление матери! Вместо того чтобы молниеносно схватить с поличным...

— Какой матери? Кого схватить, — не понимала жена и попросила: — Иди спать...

— Да как тут спать...

Федина злило враньё, которое разъедало общество. Его просто терзало: изменится ли жизнь к лучшему, когда подрастёт его внучка. Но об этом же не говорить не стал.

Какие только бумаги ни посылали, сколько ни ругалась мать студента с прокурором, волну не отбили: обвинительное заключение её сыну вручили. Дело ушло в суд. Слушание назначили через неделю на среду. Переждав ближайшие выходные дома, Федин в понедельник уехал в Москву. На метро добрался до станции “Петровско-Разумовская”, вдоль киосков по тротуару дошёл до станции электрички, оттуда мимо кинотеатра по Дмитровскому шоссе спустился вниз и за переходом, повисшим над шоссе, увидел похожее ровными фасадами и большими окнами на школу здание суда.

— Свежо, — вытер пот с лица.

На крыльце его ждал Лёша. Федина досмотрели, копаться в его походной сумке с бумагами, кодексами, кипятильником, стаканом и бутербродами, с которыми отправила его жена, не стали. А студента три раза гоняли через раму металлоискателя, заставляя выложить из карманов всё, вплоть до носового платка.

— У нас судья Хренкова, — сказал Алексей.

Федин удивлялся, когда люди на таких должностях оказывались с неблагозвучными фамилиями.

— Она что, так и станет читать: “Приговор. Именем Российской Федерации судья... Хренкова...”

Мол, пошла ты на хрен.

— Заместитель председателя, — добавил студент.

Федин ещё больше озадачился. Новость действовала двояко: успокаивала — зампредседателя не очень-то будет слушать прокурора; и — леденила: влупить может по самое некуда.

Адвокат и его клиент поднялись на лифте на третий этаж. В похожем на спортивную дорожку холле желтели двери. Одна из них — в глубине, ближе к окну — оказалась с табличкой: “Заместитель председателя...” Когда к ней подошла и скрылась молодежавшая шатенка в сером костюмике, Федин подумал: “Помощник судьи”. Заместитель представлялась если не гром-бабой, то уж никак не скромной интеллигенткой, чем повеяло от этой видимо следящей за собой женщиной.

Совершив обход суда, Федин с Путилиным спустились на первый этаж и сели в стеклянной комнате просматреть дело. Федин хотел сверить нумерацию листов, которую переписал при ознакомлении.

— Сейчас том пролистаю...

Как в воду глядел! С первых листов обнаружил подмены: вместо листов, которые он смотрел и отснял, были вложены другие. Вот сволочь следак! Чем дальше просматривал, тем больше находил подделок.

— Что за наглость! Я что, должен заново изучать всё дело?! — вырвалось у адвоката. Студент смотрел на него, открыв рот. Федин огляделся: не окажется ли среди сидящих в “стекляшке” женщин адвокат Марьева, которую они уличали в подлоге: та не присутствовала при допросах Путилина, но подписала протоколы. Федин сравнивал с прежними записями и записывал: “Лист... Вместо прежнего лист...” “На листе... было постановление... на одном листе... Теперь постановление на двух листах...” Нашёл в портфеле копию прежнего постановления:

— Ого! Постановление поменял...

Вспомнил, что фотографировал прозрачный пакет с купюрами. Теперь пакета с купюрами не оказалось.

— Деньги из дела пропали! — Такого он не мог допустить.

— Следователь стырил? — выпучил глаза Путилин.

— Больше! — Адвокат нервничал. Его выбивало из равновесия. Он запутывался в том, что заменено, на что заменено, какие листы, какие фразы, и взмахивал руками:

— Лёша, ты бы лучше взял другого адвоката...

— А что такое?

— Видишь, что творят...

— Мне не нужен другой. Мы хотим только Вас...

Федин думал, что избавился от следователя, а оказалось, опять во что-то встречал. Вроде в прошлое ушли игра в кошки-мышки, туалет, куда прятался следователь, непрошитый и непронумерованный том, ночные вызовы студента, однако он умудрился подменить десятки листов.

За годы своей адвокатской жизни Федин повидал всякое: как хватили монахинь, которые по чьему-то навету похитили деньги и даже ругались матом — с адским трудом их освобождал; как на мальчишку пытались списать украденные участковым цистерны с бензином — ездил в суд и добился оправдания; как бился за десятерых сотрудников милиции, которые вступились за честь убитого бандитами коллеги — рвал глотку в областном суде; как генерал вышвырнул из полиции майора — заставил суд отменить приказ; как его младшего сына полковник отстранял от службы и кричал: “Ты пьян!” — а тот вовсе не пил, и даже клеили ему употребление наркотиков...

Повидал многое. И прокуроров, которым надо не обвинять, а самим садиться на скамью подсудимых.

И вот новая нагрузка лежала на его сердце.

— Как только прокурор мог не заметить такое! Или он с ними заодно? — не выходило из головы.

Наметившаяся поездка к внучке снова срывалась. Ночь напролёт у студента дома писал бумаги, которые тот должен был утром сдать в экспедицию суда.

— Может, подадим в заседании? — спрашивал студент.

— Думаешь, тебе их назад не швырнут?

— Как это?

— Молча. А тут получают и никуда уже не денут...

Студент поехал в суд с утра пораньше, а адвокат направился на автобус, оттуда на метро до Филей. У него не было машины, как у его сыновей, как у невестки и её отца — бывшего генерала.

Федин всю жизнь перебирался на общественном транспорте, разве что порой его возили клиенты.

От Филей трясся в громяющей электричке, шёл по скользким подмёрзшим дорожкам за высотные дома к полю, где на взгорке возвышался коттедж — “Замок царевны Софийки”. С гулом открылись автоматические ворота. Прошёл по пороше пустой площадки, где обычно стояли машины сына, невестки, генерала, поднялся на ступеньки крыльца. Ожидавшая от него всплеска эмоций Софийка удивилась замкнутости деда. У него не было сил играть. Он разве что не ползал по комнатке перед щебечущим ребёнком, пока не уснул на полу.

И только когда утром покидал замок, подумал: “Что же не купил девочке цветы!” Глотая холодный воздух, спешил на станцию. Донёсся на электричке до метро. В вагоне подземки было тесно — пассажиров набито, как рыбы в банке. Когда поднимался на эскалаторе, услышал голос диктора:

— Сегодня своё 80-летие отмечает Московская прокуратура... — гремело на весь пролёт. — Созданная... Честная... Авторитет... Добилась уважения...

От метро спешил вдоль стекляшек ларьков, потом вдоль насыпи — шоссе ремонтировали, потом вдоль “сталинок”.

Сами собой срывались слова:

— Ну, надо же! Честные! Непорочные! Добились уважения...

В суде его ждали студент, его мать и бабушка. Заглянул в кабинет секретаря:

— Адвокат из Воронежа прибыл, — сказал недавней школьнице. — И сам обвиняемый...

Бабуля достала термос, налила оттуда в чашечку чай:

— Согрейтесь, — предложила адвокату.

Другой бы адвокат смутился: чего это вы меня чаем, ведите в ресторан, но Федин:

— Голова свежее будет...

Взял чашечку. Бабуля подала пирожок.

— Спасибо...

Минут через десять заметил грудастую майоршу в синей форме прокурора, которой хотел отпустить комплимент по случаю юбилея, но язык не повернулся, а та как-то споро зашла к секретарю и потом вышла. Сразу позвали в зал. Через минуту за стол напротив села запыхавшаяся майорша. Куда-то бегала. Федин ссутулится, готовясь к бою с ней.

На место председательствующей прошла шатенка в мантии, которую он принял за помощника судьи. Сразу удивила адвоката вопросом:

— Что там у вас?

— Да вот, подали ходатайства. Мы хотим исключить недопустимые доказательства. Это допросы моего подзащитного. Они без участия второго адвоката, — остановился, вспоминая фамилию, но судья подсказала:

— Марьева...

— Мы позавчера смотрели дело, там столько подмен! Нет листов. Постановления изменены. Деньги куда-то делись. У вас в заявлении всё указано...

— А что сейчас просите? — спросила судья.

— Вернуть дело следователю... С таким браком нельзя идти в суд...

— Понятно.

Заметил, как в зал вошёл мужчина в чёрной форме. Пристав. Хотят сразу арестовать студента! Вот зачем уходила прокурорша. Поняв остроту момента, повысил голос:

— У нас есть доказательства того, что адвоката Марьевой не было. В коридоре мать студента. Бабушка. Они были в ту ночь, когда его задержали, в полиции. Допросите их, они расскажут всё...

Заметил, как заёрзала прокурор, как повела плечами судья. Понял: висим на волоске. Сейчас откажут и закроют студента.

— У матери есть распечатки звонков, когда ей звонил следователь. Требовал адвоката. Это было уже после допроса. Выходит, Марьева появилась позже. Мы просили следователя допросить мать и бабушку. Он отказал...

Судья посмотрела на прокуроршу. Теперь та пожала плечами. Видно было, что она на самом деле несведуща или прикидывается. Вот они, прокуроры непорочные!

— Зовите бабушку... — сказала судья.

— Давайте сначала мать. Она больше знает...

— Хорошо...

Вошла мать Лёши. Начала рассказывать:

— Пропал сын... Мы стали искать...

— Вы расскажите, что знаете насчёт адвоката Марьевой, — предложил Федин.

— Мне в 22 часа, — склонилась к листу: — 23 минуты позвонил следователь. И сказал: “Мне срочно нужен ваш адвокат. Если его не будет, я сам вам дам”. То есть адвоката ещё не было...

— Скажите, у вас распечатка звонков есть?

— Да, вот...

— Можете показать этот вызов?

Мать подошла к прокурору:

— Смотрите.

— А откуда я могу знать, что это телефон следователя...

— Но он нам давал именно его, — произнёс адвокат. — Покажите судье...

Судья посмотрела, что-то записала. Полистала дело, нашла протокол:

— Допрос был с 21 часа 50 минут до 22 часов 20 минут... А звонок в 22 часа 23 минуты... Выходит, адвоката...

— Нема! — поднял руки Федин.

Заметил, как по чьей-то негласной команде пристав вышел. На душе отлегло: закрывать студента не будут.

Мать рассказала всё в деталях. Бабушка ещё красочнее. Прокурорша в день юбилея её ведомства сидела, как камень. Без единой эмоции на лице.

— Следователь 28 февраля приглашал писать отказ от адвоката, — снова встала мать.

— Как, ведь прошло уже ознакомление! — всё больше удивлялась судья.

— И я о том же! — привстал и сел Федин.

Всё становилось на свои места, и то, о чём трубил адвокат, наконец-то ушлышали. Прокурорша поправила китель:

— Прошу перерыв, надо разобраться...

— Можно только назначить на вторую половину дня, чтобы я приехал утренним поездом? — попросил Федин.

— Хорошо...

Заседание отложили на неделю.

— Если будете опаздывать, позвоните, — вставая, сказала адвокату судья-интеллигентка.

Счастливым выскочил Федин в коридор и, отведя Лёшу, его мать и бабушку на лестничную клетку, сказал:

— Вы догадались, что она хотела?

— Кто? — спросила мать.

— Эта стерва! Прокурор...

— Нет... — мать стояла, не понимая.

— Лёшу закрыть...

— Куда закрыть?!

— Ну, арестовать. А благодаря вам не получилось...

— Почему?

— Вы же выложили столько нарушений...

С ощущением маленькой победы шли по продуваемой улице и, не чувствуя мороза, фонтанировали: бабушка и мать — как у них получилось защитить Лёшу; адвокат — как теперь будет спускать три шкуры со следователя, который столько наворочал.

Заседание началось. На прокурора не произвели впечатления заявления Федина. Она высказалась отрицательно на все упущения следствия: доказательства незаконные, адвоката Марьевой не было, заявления о взяточниках не разрешены, листы подменены, постановления исправлены.

Сказала:

— Все возникшие недоразумения можно будет разрешить в ходе судебного разбирательства.

Студент сидел, сложив руки на коленках, и ёрзал. Адвокат не особо удивился. Поднялся, пытался объяснить суду, почему дело следовало вернуть в прокуратуру, и заострил:

— Ведь в деле были деньги. А они где?

Это, казалось, должно сбить с ног: коррупция замаячила на горизонте. Если деньги выкрали из дела, что можно ещё сказать о таком следователе. Тут пахнет решёткой ему, а не студенту!

Вышли в коридор ожидать постановления судьбы. Адвокат нервничал:
— Признает недопустимыми... Отправит дело назад... Снова будет след-
дак и будем бодаться...

Мать студента воспринимала происходящее по-своему: дело непременно прекратят.

— А если признают недопустимыми, значит, и дела нет! Обвинение с Марьевой? А её не было. Нет и обвинения, — адвокат объяснял тонкости матери и бабушке.

Алексей ходил с высоко поднятой головой. Когда зашли, судья произнес-
ла тихим голосом:

— Отклонить ходатайства... Назначить заседание...

У адвоката на душе всколыхнулось: как это так! И как-то сразу отлег-
ло: не придётся таскаться со следователями и портить нервы.

Студент ходил:

— Ничего не понимаю! Ничего...

Его мать тоже стояла в ступоре. А адвокат объяснял, в чём им отка-
зали...

— Но это же незаконно! — восклицала бабушка.

— Да у них столько незаконного, — говорила более сведущая мать.

— Но она нас всё равно услышала... Если что, судья увидела, сколько
наворочал следователь...

Путилин подошёл к адвокату сбоку:

— Так скажите, это всё в порядке вещей? Что заменил всё в деле! Что
Марьева была, а её не было...

И теперь Федин отбивался, говоря:

— Но судья услышала...

— Одна шайка-лейка! — вдруг на весь холл выдала мать Алексея и до-
бавила: — Так что, будет суд?

— А вы что думали, что не будет? — вопросом ответил Федин.

— Ну, всё же здесь...

— Я тоже надеялся...

А студент:

— Я ничего не пойму!

Адвокату стало тошно: следователь столько наворочал, и ему всё сходи-
ло с рук, а вот Алёше не сошло, и его тащили дальше.

— Несправедливость не укладывается в голове...

Они вышли на улицу. Адвокат ещё что-то пытался объяснить, хотя ему
требовалось всего-то сказать, что суд также повязан с полицией и прокура-
турой. Но произнести это до поры не решался. В голове кружились мысли,
что всё равно их услышала судья, что это маленькая адвокатская удача, хо-
тя на такую удачу по большому счёту студенту было начхать.

Алексей пошёл до метро пешком, адвокат поехал с его матерью и бабуш-
кой на автобусе и оправдывал судью. А когда остался один и за окнами за-
чернела стена подземки, ему сделалось стыдно за систему, где он так или
иначе состоит, которая калечит людей: все остро чувствуют неправоту, а их
убеждают в обратном.

Ему стало стыдно за себя, что проглотил решение судьбы, иными слова-
ми “не лёг под поезд”, чтобы остановить его движение. Хотя разве остано-
вил бы?! Его бы просто переехали. Стыдно за судью, которая не поддержа-
ла адвоката и студента. Стыдно за всё, к чему оказался причастен.

Многое билось в нём, а он и не подумал перед Алёшей, его матерью, ба-
бушкой повиниться. А лишь произносил:

— Система...

Когда в очередной раз Федин приехал в Москву, оказалось, что студент
с матерью пошли к правозащитнику, который накатал жалобы во все ин-
станции и дописался до того, что попросил возбудить уголовное дело против
прокурора. Такое поведение не устроило адвоката. Он выстраивал линию за-
щиты так, чтобы не испортить отношения с судьёй, не обострить конфликт
с прокурором, а какой-то правозащитник подливал масла в огонь.

Федину не хотелось видаться ни со студентом, ни с матерью, которых бросился защищать с риском для жизни, а они его подставляли. Обиженные могли пойти на ответные шаги.

Когда позвонила мать Алексея, он высказал ей своё недовольство, а на предложение встретиться ответил:

— Даже не знаю...

Но точила адвокатская совесть: надо же готовить Путилина к делу! Определиться с позицией! Правозащитники ему в этом не помогут! Они наговорили студенту, что тот ни в чём не виноват. И ему ничего не будет! Федин с такими заявлениями осторожничал, уже подумывал встретиться со студентом, как снова позвонила мать:

— А что вы не написали заявление?

— Какое?

— А что в деле подменены листы...

— Куда?

— В следственный комитет. Тогда бы дело не попало в суд... — летел голос мамы.

Снова правозащитники! Наобещали всего! Федин сорвался:

— А не взять ли вам другого адвоката?

Хотел добавить: раз не доверяете мне, но услышал:

— Нет, вы защищали и защищайте... У вас есть диктофон?

— Есть.

— Надо записывать на диктофон...

У него снова чуть не перехватило дыхание: его учат! Какие-то молоко-сосы-правозащитники. После такого встречаться уже никак не хотелось. Встрече с мамашей предпочёл разговор с сестрой и с Киевского вокзала поехал в Химки.

Снова сидели на кухне и говорили о Себеже, где он пошёл в школу, о Домбаровке, где отец купил ему велосипед, на котором проездил всю жизнь, о Давыдково — микрорайоне в Москве, где учился в интернате...

— Тебе утром бутерброды собрать? — снова спросила сестра, когда он ложился.

— Да, и баклажку с чаем.

В Тимирязевском суде приставы их уже знали: адвоката пропустили без досмотра, а студента обыскали. Когда сели в холле, студент спросил:

— Вы написали?

— Что?

— Ходатайства?

Это опять возмутило адвоката:

— Я ничего не обязан писать...

— Но ведь нам надо...

— Не нам, а тебе... — сказал и подумал: как изменилось его отношение к этому длинному парню, которого защищал, а теперь они шли как бы порознь. — Ты вот с правозащитниками... Их и бери в дело...

— Нет, они не пойдут...

— Так тогда чего на прокурора написал?..

— Это не я, а правозащитник...

— Но ведь не без тебя...

— Да, я подписывал...

— Отказывайся от меня...

Понимал, что без согласия студента ему из дела не выйти: так гласил закон, и ничего он поделать не мог.

— Не откажусь. Вы будете защищать меня, — сказал Путилин свысока и с улыбкой.

Адвоката взбесило. Но успокоился, посчитав на вдох до семи, и на выдох — до восьми. Он в который раз в жизни пожалел, что просвещал клиента, объяснял, что может и что не может адвокат. Держи он его в неведении, тот бы не открыл рта. Вошедший в уголовное дело адвокат не мог сам отказаться от защиты, как и адвокат Марьева, которая после вступления в дело Федина нарушила закон, и это было одной из зацепок против обвинения.

Студент борзел:

— Почему вы не хотите записывать на диктофон?..

“И в этом учить меня будет!” — пронеслось в голове адвоката, и он с грузинским акцентом произнёс:

— Нэ хачу... — Затем взял себя в руки и, преодолевая возмущение, произнёс: — Слушай, что тебе надо сделать. Надо определиться, что ты будешь говорить. Что признаешь, что не признаешь. А потом уже и писать бумаги...

— Я ничего не признаю...

— А с Марьевой у тебя другие показания...

— Мы же их отметём...

— Попытаемся...

Определились, как вести себя студенту, с чем соглашаться и с чем ни в коем случае. Федин продиктовал текст ходатайства. Когда студент уехал домой печатать его, адвокат ушёл в угол коридора и уминал сложенные в пакет сестрой бутерброды, заедал огурчиком, запивал охладевшим чаем и вспоминал, как в прошлый раз о нём заботились мать и бабушка студента. А теперь они забыли про него.

Холл пустовал. Оглядев коридор, Федин спросил у студента:

— Опера не пришли? А понятые?

— Никого не видел...

Судья прошла за стол и приветливо поздоровалась. Прокурор — более сухо. И:

— Почему-то не явились сотрудники...

Неужели бумаги правозащитника подействовали? Что опера бояться идти. Или, наоборот, что-то начало крутиться против нас. Ведь самого прокурора обвинили в преступлении!

Студент положил перед собой на стол диктофон. Ну, даёт! Хорошо, хоть судья не видит. Закрыт тумбой. А если увидит прокурор...

— У нас есть ходатайства, — произнёс Федин и приказал студенту: — Вставай. Читай...

Путилин вытянулся над адвокатом, поднял лист. Он читал, а прокурорша сидела, потупив взор. Как бы она теперь размазала студента, написавшего на её начальника такую кляузу! Судья спросила:

— Всё?

Алексей кивнул. Что-то из ходатайств удовлетворили, а в чём-то отказали. И дело отложили.

Мать с бабушкой что-то расспрашивали, он что-то отвечал и мечтал скорее покинуть изрядно надоевший суд. Надо было решить финансовый вопрос: деньги, которые ему отдали в начале дела, уже давно разошлись. Напоследок сказал матери:

— Вам следует подумать о доплате...

— Но денег нет... У меня зарплата, может, получу...

Федин пожал плечами: думайте сами. Весёлым, словно покинувшим застенок, поехал на Павелецкий вокзал и в этот же день на автобусе уехал в Воронеж. За окном ползли сосновые леса. Почему-то представлялся себе зажатым среди сосен деревом, которому из тесноты не вырваться. Так и живи, расти, так и умрёшь — стоя, зажатым жизнью.

В следующий раз суд шёл дёргано: адвокат и Алексей хотели увидеть вымогателя и доносчика, кто заложил студента, но его не приводили.

— Сколько же лет агенту? — спросил Федин.

— Моего возраста... — ответил студент.

Не пришли понятые. Но явились два опера из трёх, которые “работали” в ту злосчастную ночь с Алексеем. Эти двое задерживали его и досматривали. Теперь они извивались, как могли. Видимо, чувствовали свою неправоту, но сознаться не позволяла царившая в системе круговая порука.

Брякал что-то мордатый прокурор, сменивший грудастую майоршу. Допросили Алексея, и когда казалось, суд не сможет и шагу сделать дальше, он просто обязан оправдать, судья объявила прения, которые для адвоката

прошли на подъёме. Федин в обычной для себя манере вытащил из портфеля пачечку листов, прокашлялся и принялся читать. Сначала ласкал словами, а потом стал прессовать противную сторону — прокурора, всё чаще отрываясь от текста и сшибая камни обвинения:

— Студент не сбывал... Его уговаривали... Была провокация... Вместо закупки вымогательство взятки...

Покрасневший и взмокший от пота прокурор, произнося реплику, заикался. Федин не преминул вбить ещё несколько гвоздей в крышку гроба обвинения.

— Можно мне на оглашении приговора не присутствовать? — спросил судью, кладя перед ней на стол листы выступления.

— Да-да... — произнесла судья и удалилась в совещательную комнату.

Вышли в коридор. Мать отдала Федину обещанный гонорар и спросила:

— Лёшу оправдают?

— Вы сами видели, я об этом только и говорил.

— Но прокурор просил реальный срок...

— А почему он так потел? — Федин прищурил глаза.

— Понимаю, понимаю...

— Моя миссия исчерпана, — произнёс адвокат. — Зачем вам тратить-ся ещё на один мой приезд. С Лёшей придёте, сами всё узнаете и мне позвоните.

Может, он и хотел услышать слова благодарности за свой труд, но результата труда ещё не узнали, и неясность не позволяла расшаркиваться.

Вместо лифта, который пришлось бы ждать, Федин свернул на лестницу и зачистил ногами по ступенькам вниз. Он снова спешил на дневной автобус, который до полуночи привёз бы его в Воронеж.

Ехал, а грудь распирало: неужели вырвался из этого склочного дела, где сам мог загреться! Его активность мало кому нравилась. Опера могли отомстить, на что они были мастера. Да и измотали выходки следователя, заскоки студента и его матери, мифические правозащитники, и ни за что больше не хотелось появляться в Тимирязевском районном суде.

В Воронеже ждал: что же там? Оправдали? Осудили? Ни Алексей, ни его родня о себе знать не давали. Федин злился: ночью звонят, когда им надо. А когда адвокату надо узнать приговор, молчат.

— Что за хамство! Понимают, что мне интересно. Да более того, я же воевал! Что-то здесь не то...

И вот узнал: у них появился второй адвокат. Снова московский. Неужели им недостаточно того, что обожглись о Марьеву? Новый адвокат оказался мужчиной. Когда с ним состоялся разговор, тот предельно корректно сказал:

— Четыре и три...

Федин понял: осудили на четыре года лишения свободы условно с тремя годами испытательного срока. То есть дали по самой нижней планке и оставили на свободе по статье, по которой получали только реальные сроки лишения свободы. Вот почему не звонили!

Федина словно забыли. Молчали несколько жарких летних месяцев, когда он получал копии жалоб на приговор. Выходило: приговор обжаловали, но Федина не подключили. Жалобы подал москвич. Федин думал: а на обжалование Мосгорсуд позовут? Там должны рассмотреть жалобу. Но его не стали дергать. Видимо, надеялись, что минуют неприятности, проскочат с московским защитником. И уже привычно забывал дело, понимая, что каждая его работа имеет особенность: пока нужен, падают на колени и умоляют, а когда взяли своё — тут же напрочь забывают.

Все больше упихивался на даче, засаживая, поливая, пропалывая грядки, обрезая, окучивая ягодные кусты до той поры, пока не раздался звонок.

— Вы будете участвовать в деле? — спросил твёрдый мужской голос.

— Каком?

— В Тимирязевском суде...

Федин понял: приговор отменили, дело отправили на новое рассмотрение, а звонил судья. Значит, не оправдали... Но и не осудили.

— Но соглашения со мной не заключили...

Звонок Федина коллеге-москвичу всё поставил на свои места. Тот рассказал, почему Мосгорсуд отменил решение: агента не допросили. Ну, и там ещё всякая мелочь.

И следом, как ни в чём не бывало, позвонила мать студента:

— Мы вас приглашаем...

Хотел упрекнуть: что же так ведёте себя? Всё лето молчали. Но решил не волновать женщину, которой и так досталось.

Снова собирался в Москву, радуясь, что не мотался в столицу в самое пекло. Пришёл перевод: финансовые вопросы решились, и он купил билет.

Его нёс на север всё тот же поезд-мустанг. Всё так же добирался на метро до “Петровско-Разумовской”, выбирался из катакомбной глубины на свет, пару километров шагал, вдыхая московскую сутолочь.

На четвёртом этаже нашёл кабинет судьи:

— Тогда дело слушала зам на третьем...

Пил в холле чай и просматривал заплывшие листы, когда мимо прошёл и сухо поздоровался с ним Алексей, подошла его мать и засыпала вопросами:

— А вот это как... А вот это...

Федин ждал встречи с москвичом-коллегой. Тот опаздывал.

— Он в пробке, — сказал Путилин.

Федин давно заметил некую распушенность столичных защитников. В Воронеже судьи вымуштровали адвокатов и слабинку им не позволяли. У самого Федина в практике было дело, когда он отсудил львиную долю универмага благодаря тому, что адвокат противной стороны опоздал всего на десять минут!

Вот появился одетый с иголочки красавец в пиджачке и мягко поздоровался. Адвокаты поняли друг друга с полуслова. Федин в некоторой степени был благодарен москвичу, что тот не отмёл его, а советовал пригласить на повторное рассмотрение дела. Это говорило о том, что им владел интерес студента: вдвоём легче защищать.

Заседание должно было рвануть с места в карьер, но адвокаты вывалили ходатайства. Судья, поджарый, с чёлочкой и первыми залысынами на лбу, чётко отрубал:

— Отказать...

Адвокаты продолжали по очереди вставать:

— Прошу...

Поднаторевший при прошлом рассмотрении мордатый прокурор даже не приподнимался:

— Я не согласен...

Судья парировал просьбы защитников:

— Я отказываю...

Причём делал это с такой лёгкостью, как если бы футболистом выбивал адвокатские мячи далеко за станцию метро “Петровско-Разумовская”. Алексей следил за диктофоном, который теперь открыто лежал перед ним на столе. Как ни отбивался судья, дело отложили.

Когда через неделю Федин снова собрался ехать в Москву, ему прислали СМСку: “Перевод отправили. Спасибо”. “Поняли, что без меня тяжело”, — бодрился Федин, получая в банке деньги от матери студента.

Тяжесть стала явлю, когда за боковой дверью в суде оказался агент Бавыкин. Его в проход видел со своего места только судья, а не видели ни защитники, ни студент, ни прокурор. Бавыкин хриплым голосом понёс:

— Лёха такой, сякой, предлагал гашиш, подонок, мразь.

Облил с ног до головы. Теперь за Бавыкина взялись адвокаты.

— Скажите, а как вы попали в это дело? — спросил москвич.

— Ну как, мне позвонил Лёха и предложил. А я решил его изблечить, пришёл в отдел и рассказал всё....

“Ну, да, так мы вам и поверили...” — подумал Федин. Он вспоминал предложение сотрудничать начальника розыска: уговорить однокурсника

достать наркотики, вытащить на территорию, обслуживаемую отделом, а опера его “хлопнут”.

— А вы звонили Путилину? — спросил Федин.

— Он звонил мне...

— Вот распечатка звонков, из неё видно, что вы звонили двенадцать раз...

— Ну, и что?

— Как “ну, и что”?! Получается, вы уговаривали Путилина купить наркотики, а не он вас...

Через судью передали распечатку. Адвокаты атаковали по очереди. Бавыкин просил воды, отказывался от ранее сказанных слов, кричал: “Не буду отвечать!” — в который раз просил распечатку телефонных звонков и что-то бурбил. Адвокаты, как клещами, вытаскивали ответы. Суд объявлял перерыв, после чего заседание возобновлялось. Когда подонка окончательно припёрли к стенке, Федин охрипшим голосом спросил:

— Сколько у вас было таких дел?

— Каких?

— Чтобы вот так помогали операм...

— Сорок... — ответил.

Мороз побежал по телу присутствующих: агент возраста студента уже успел “сдать” сорок душ! Невероятно. Федин, теряя голос, переспросил, но услышал прежний ответ.

Допрос начался в двенадцать, а закончился в семнадцать пятьдесят пять. За окном гуляло — рвало листву с крон деревьев и кренило стволы, грозя поломать. Федин ехал в автобусе в Воронеж, а в ушах стучало: “Сорок душ!” Повидавшего виды адвоката это убивало.

Теперь ему пришла СМСка о переводе с привычной допиской: “Спасибо”.

С привычным: “В пробке!” — тютелька в тютельку, чтобы его не ругали, приезжал в суд холёный адвокат и отзывал коллегу в сторону, где тихим голосом советовался, что предпринять. Только начиналось заседание, повеселевший прокурор вываливал доказательства, которые могли бумерангом ударить и по нему. Смотрели видеозапись досмотра студента Путилина в кабинете, когда его “хлопнули”. Она оказалась разорванной на три части, и возникал вопрос: что произошло между записями? На плёнке увидели, как худощавый опер полез в карманы Путилина, вытаскивал оттуда и клал на стол сотовый телефон, документы, и вот вытащил из заднего кармана джинсов деньги. А другой, покруглее, что-то писал на столе.

— Двести рублей, — опер показал купюры. — Серии сошлись с теми, какие взяли для контрольной закупки...

Увидели, как, прерывая досмотр, студент воскликнул:

— Этих денег не было! Я в карман не клал...

Адвокаты переглянулись: подкинули.

Студент в камеру говорил:

— Это не могло... Не могло быть...

Внутри у адвокатов поднялось: что ж так грязно работают опера!

Студент вскочил:

— Вы понимаете, у меня же руки в наручниках. Мне в задний карман засунули...

— Путилин, сядьте! — прикрикнул судья.

И что-то пометил. А прокурор как будто ничего не слышал. За годы адвокатской практики Федин привык наблюдать спокойствие людей из ведомства государева ока, которым следовало первым протестовать, и теперь не удивился поведению столичного обвинителя. “Они воюют только тогда, когда это касается личного”, — с горечью подумал Федин, зная клички известных ему прокуроров “Коммерсант”, “Хапуга”, “Газовый магнат”.

Когда под рессьбою звёзд Федин нёсся по асфальтовому полотну в переваливающемся с боку автобусе, он не знал, что качается больше: мир или автобус. Вспоминал своё милиционерское прошлое, когда и в страшном сне не мог бы подумать по-оперски “хлопать” неоперившихся пацанов и подбрасывать им деньги в карманы.

Сойдя с автобуса, шёл по изредка освещённым тротуарам Воронежа, где из каждого переулка на него могли напасть, и, может, даже и желал чего-то острого.

20 ноября в Москве сушь, но стужисто и холодно. Зато в зале суда по-привычному тепло.

Когда в клетку провели смурного, мощного детину, Путилин сказал:

— Куродоев.

— Который вымогал? — спросил Федин.

— Да...

— А почему в наручниках?

Алексей пожал плечами. “Видимо, посадили по другому эпизоду, — подумал Федин, и его как обожгло: — А эпизод со студентом замяли”.

Начался допрос.

— А за что сидит свидетель? — поинтересовался Федин.

Судья что-то поправил под мантией:

— Вопрос снимается. Он не имеет значения для дела.

“Чего-то бояться”, — Федин переглянулся с рядом сидящим коллегой.

Куродоев огрызался: ничего не помню, ничего не знаю, чем разозлил даже прокурора:

— Так вы участвовали в задержании студента?

— Да, это помню, мы его взяли в подъезде... После того как нам сообщили, что гашиш передал... — переводил взгляд со своих рук в наручниках на руки студента без наручников.

Федин вспомнил: в операции участвовало три опера. Куродоев только задерживал, а двое других — задерживали и оформляли. Выбрал момент и снова спросил:

— За что судимы?

— Я уже снял вопрос! — судья ударил по столу кулаком с такой силой, что подпрыгнули лежащие на столешнице тома. — Запишите адвокату из Воронежа замечание...

Федин с москвичом надеялись, что бывший опер от обиды сдаст коллег с потрохами. Но Куродоев оказался непробиваемым:

— У меня за последнее время столько своих проблем, что помнить проблемы других...

Федин хотел зайти с другой стороны:

— Вы мать студента Путилина знаете?

— Знаю...

— Откуда?

— Я её провожал с КПШ...

— А зачем?

— Она хотела встретиться с сыном...

— А разве разрешено тому, кого привлекают за тяжкое преступление, встречаться с матерью?

Хотел привести к вымогательству, но тот:

— Нет, я как отвёл, так и ушёл из отдела полиции...

“Следы заметал”. Федин хорошо помнил рассказ матери, как с неё теперь известный Федину Куродоев вымогал сто пятьдесят тысяч или пятьсот. Теперь дошло, почему Куродоеву не вменили эпизод с вымогательством денег у матери студента: тогда бы дело развалилось изначально — в операции совершено преступление, и сама операция получалась незаконной.

Борьба за честь мундира сыграла здесь свою плачевную роль.

— Эх, законники! — Федин поглядывал на прокурора.

Ещё Куродоева не увели, зашел худящий, как клещ, опер. “Он вытаскивал деньги из джинсов”, — Федин вспомнил худяка на видеозаписи допроса студента. Худяк перекинулся взглядами с Куродоевым.

— Передай привет пацанам, — бросил арестант, когда конвойные выводили его из клетки.

Федину хотелось бросить: “Лучше скажи, чтобы прекратил подставы! И деньги не вымогал!” Начался допрос. Худяк вытягивался и огрызался: не помню, не знаю, много дел...

— В распечатке значится двенадцать звонков гражданина Бавыкина. Скажите, кто же кого заставлял приобрести наркотики? — уставился в опера москвич-адвокат.

— При мне было только два-три звонка, — ответил худой.

— Но есть распечатка!

— Ничего не знаю.

— А двести рублей каким образом попали в джинсы к Путилину? — задал вопрос Федин.

— Я их только оттуда вынимал...

“Да разве такой ушлый сознается, что подкинули!” Путилин привстал:

— Я сразу сказал, что это не мои деньги. Давайте покажем ему видеозапись...

Судья только поморщился. Вопросы сыпались. Опер выкручивался.

— При досмотре всё вписали в протокол? — спрашивал москвич-адвокат.

— Конечно...

— А почему паспорт не вписан?

— Не помню...

— А что, у вас проблемы с памятью? — поддержал коллегу Федин.

— Я не помню...

— А как же тогда с вашей профпригодностью... Память-то никудашная...

Федин смотрел на матёрого сыщика: “Волчара! Сколько ты наворочал! Матерям, отцам и их сыновьям принёс бед!” — и чувствовал, как сам звереет.

Судья нервничал и гнал.

— Оглашаю показания понятых...

— Я против!

— Я против, — приподнялись по очереди адвокаты.

Они хотели допросить понятых с пристрастием: от них могли узнать о многих нарушениях сыщиков. Но судья с металлом в голосе:

— Их дома нет. Вызвать невозможно, — раскрыл один из томов перед собой и принялся читать. “Нарушение у суда”, — переглянулись адвокаты. Путилин поймал их взгляды, заулыбался и повернул диктофон дырочками в сторону судьи. Наивный! Игру адвокатов принимает за спасение. “Мелочи, которые мы выявляем, преувеличивает, — думал Федин. — А ведь статья-то сумасшедшая! Тут грех улыбаться, тут надо драться. А не радоваться огрехам опера-худяка и опера-зека”. Надо бы это объяснить. Но как? Ещё взбрыкнёт! Тогда труднее будет. Пусть лучше верит, что адвокаты идут на оправдание. В наших судах оправдание — это реликт. Пусть! Лучше так...

Федин всё больше подмечал: Алексей доверился адвокатам, как когда-то правозащитникам. Он даже в перерывы суда читал книжки. Такая расслабуха к хорошему не приведёт. Но сказать об этом самоуверенному студенту не решался.

Погода днём была плюсовая, ночью стала минусовая, хотя ноябрь подкатывал к концу. Федин словно балансировал вокруг нулевой отметки дела: окажется ли его Лёша в плюсе и будет греться дома или в минусе и будет мерзнуть в зоне.

2 декабря снова ехал в Москву. Удивлялся снегам на полях.

— У нас в Воронеже ещё не выпал...

Не чувствуя холода, спешил в суд. За пять минут до заседания накачивал себя чаем за столиком в коридоре, понимая, что ни мать студента, ни его бабушка напитком из термоса и пирожками не угостят.

Увидел пузатенького мужика.

— Кто это?

Путилин оторвался от книги, посмотрел:

— Опер...

— Какой?

— Он записывал при досмотре...

Федин вспомнил: досматривало два опера. Худого, как клеща, допросили. Москвич опять опаздывал. Но вот зашли в зал, и понеслось. Пузатенький огрызался, как и его коллега-худяк. Москвич-адвокат деликатно вопросами загонял его в угол, и выявлялись либо полное незнание сыщиком дела, либо дурь, которой он хотел запудрить мозги, либо абсолютная потеря памяти. Уже у судьи возникал вопрос: как таких сотрудников держат на службе. Как он ловит преступников, если ничего не помнит?

Пузатик:

— У нас мероприятие... Мне надо идти...

— Но вы же ничего не помните, зачем вы там? — со смехом вырвалось из Федина.

Судья почесал бровь, прокурор зевнул во весь рот. Лёша захихикал. Что-то ещё тащили из опера по крупицам.

Федин:

— А вы предлагали Путилину сотрудничать?

— Хотел побольше набрать компромата на сыщиков.

— Это относится к обвиняемому? — спросил судья.

— Ещё как!

— Снимаю вопрос...

По всему было видно, как судье надоело дело студента Путилина.

За пузатым допрашивали мать студента. Наученная опытом первого суда, она рассказывала всё в деталях, как ночью ей позвонил следователь, как тянули деньги, как она звонила по "02" и жаловалась на вымогателей, как видела понятых:

— Они держались друг за друга, чтобы не упасть...

Каким образом определила, во сколько пришла адвокат Марьева, как скрылся вымогатель, как через два месяца стали разбираться со взяткой, как следователь вызывал ночью и требовал написать заявление об отказе от Марьевой, как воевала с прокурором, как, как, как ...

— А покажите, что у вас в руках? — спросил судья.

Мать подала исписанный цифрами листок.

— Кто это вам составил?

Прокурор будто проснулся и счастливо-счастливо смотрел на адвокатов.

— Я сама... — ответила та.

— Вы сами вели расследование?

— Конечно, а как же? Я же мать...

Судья покачал головой: многие бы позавидовали Лёше.

Федин понимал, какую великую роль сыграла эта женщина, с первой минуты ставшая стеной за сына и не боявшаяся ни сыщиков, ни следователя, ни прокурора, ни судью.

После матери в защиту внука пошла бабушка.

— Я узник фашистских лагерей...

Её рассказ тоже напоминал расследование.

А внук, не стесняясь, листал книгу. Федин хотел вырвать у него её, но боялся скандала. За этого олуха бьются два адвоката! Мать! Бабушка! Он должен ловить каждое слово, каждый жест... Ты хоть видимость создай, что переживаешь! Но Лёша листал. Вот она, наша молодёжь: наивная, и не знает, какую злую шутку может сыграть с ними жизнь.

Заседание окончилось.

Дело студента Путилина шло к финишу. В очередной приезд Федина судья нервно отметал ходатайства адвокатов и вот заявил:

— Откладываю дело на 20 декабря... Будьте готовы к прениям...

Федин приехал в Москву заранее и сразу направился в Одинцово. Но поиграть с внучкой не удалось: день Софийки расписали по минутам, и дед в этот график не вписался. Переночевав в комнате внучки, помахал рукой спящей в кровати родителей девочке и направился на электричку.

Шёл по снежной кашнице, и его словно щекотало: "Снимет ли обвинение прокурор?" Но такое казалось маловероятным: в глухой тупик зашли отношения защитников с обвинением.

Путилин и тут встретил адвоката, читая детектив, на что Федин отреагировал нервно:

— Сегодня ты должен стоять перед судом вот так, — стал руки по швам и склонил голову.

Подавив огромное желание вырвать книжку, добавил:

— И говорить: “Уважаемый суд...” Слёзы должны литься! На колени надо падать!

Лёша нехотя спрятал книгу в портфель.

Как всегда, впритык появился московский адвокат. Заняли места в похожем на разбухший салон автобуса зале, где, как за кресло водителя, повёрнутое в зал, порывисто прошёл судья. Теперь мантия на нём напоминала Федину рясу, не хватало наперсного креста.

Вот поднялся прокурор и, не краснея, не потея, не заикаясь, как потел, наливался кровью и заикался в прениях при первом рассмотрении дела, от- рапортовал и закончил:

— Прошу признать Путилина виновным... Приговорить к четырём го- дам лишения свободы...

И, услышав, как закричали адвокаты, добавил:

— ...условно... С испытательным сроком три года...

“Четыре-три” — повторялось первое решение суда.

Выступление прокурора как подкинуло. Федин проглотил несколько слов, потом извинился:

— Я волнуюсь...

И, зацепившись взглядом за напечатанный на листе текст, заговорил, словно вталкивая в присутствующих в зале каждое слово. Его голос окреп, и вот он уже отрывался от текста и крыл сыщиков, которые фабрикуют де- ла, следователя, у которого пропадают деньги, прокурора, который подмахи- вает гнилые обвинения, отчего слышал, как ёрзали по полу ножки стула под прокурором. А когда вспомнил Бавыкина:

— Он угробил сорок жизней... Сорок отцов и сорок матерей... Восемь- десят бабушек и восемьдесят дедушек...

Ножки стула затрещали. Склонив голову влево и не обрывая адвоката, мрачнел судья.

— Ровно год тянется это дело... И теперь, после второго рассмотрения, я с уверенностью могу сказать: моего подзащитного можно только оправ- дать! — закончил Федин, и не сдержался, произнёс: — Должна же чем-то закончиться эта гнусная стряпня...

От слова “стряпня” судья перекинул голову вправо.

Коллега Федина досыпал перцу в адрес прокурора, а студент, считая, что ему каяться не в чем, лишь лениво брякнул:

— Сожалею, что попал в эту глупую историю.

Придурок! На нары бы тебя!

Судья объявил:

— Приговор 23 декабря в два часа дня...

На выходе из суда обсуждали, проняло судью или не проняло, и только с горечью отмечали, как похож тот на робота, и уловить что-то человечес- кое в его поведении не удавалось.

— Нам теперь можно передохнуть, — сказал Федин коллеге.

— Лёшу теперь не посадят? — спросила мать.

— Вряд ли, раз прокурор попросил условно, — задрал голову москвич, глядя, не натягивает ли облака.

— Как сказать, у меня был случай, когда прокурор просил условно, а суд дал реально, — проговорил Федин и тут же поправился: — Хотя та- кое редко...

Студент стоял рядом и снова листал книгу. Вот кого не проняло! И уже со злостью Федин добавил:

— Может быть всё что угодно... Поэтому на всякий случай, чтобы был с вещами...

Мать закачало. Москвич поддержал её:

— Что же вы так...

Федин на несколько дней остался в Москве и отбывал сладостную повинность. Словно замаливал грехи: ходил с Софийкой на горку и съезжал на ледянке; качал девочку на качелях, крутил на вертушках, кувыркался на полу, и всё это продолжалось до той поры, пока не сказал всего лишь одно слово против. Молниеносно последовал ответ. С таким восторгом встретившая деда Софийка сыпала:

— Ты плохой! Я тебя не люблю!

Он, адвокат, находивший выход из самых тупиковых ситуаций, оказывался беспомощным.

Но кроха радовала даже таким своим присутствием, а слушать, как на него выливают ушат “плохой”, “не люблю”, оказывалось привычным.

В суд шёл по чуть подмёрзшей кашнице и спрашивал: “Приговор будет сопливым или от него все замёрзнет?”

Когда в пустых коридорах увидел только студента с матерью, которые смотрели на него, как на провидца, стараясь уклониться от вопросов, направился к залу. Потянул ручку, дверь оказалась закрытой. К своему огорчению, отметил: коллеги нет. Мать студента сказала:

— Не придёт. Занят в другом процессе...

“Эх, на меня всё свалил. Ещё закроют парня. Слушать эти крики... Придётся проводить в СИЗО”. А хотелось домой в Воронеж. И как бросал решку: “Посадят?” “Дадут условно?” — а матери говорил:

— Надеюсь, оправдают...

Студент, хотя и был теперь с сумкой, — на самый худой случай взял вещи, — но и на этот раз читал книгу. Ну, идиот! Хотя, может, он чтением книги отвлекался.

Дверь изнутри щёлкнула, появился судья:

— Заходите на оглашение...

Фигура судьи грозно выросла над столом. Студент так вытянулся у выхода, что можно было подумать: сбежит. Мать, как пристав, стала в дверях. Самое важное в жизни студента Путилина событие должно прозвучать веско, ну, не голосом Юрия Левитана, так хотя бы Юрия Яковлева. А тут — чешет противным тенорком.

Согнувшись вопросительным знаком, Федин поглядывал на пачечку в руках судьи. Когда кончит читать? Оправдает? Осудит?

Чуть не засмеялся, поймав взглядом ботинки студента. Они часто переминались, как при спортивной ходьбе.

А судья гнал. Да что же за свинское отношение к человеку! Судить скороговоркой. Куда он опаздывает? Ёлку купить? И вдруг зловеще поползло:

— Признать виновным...

Не оправдал!

— Приговорить...

И как шлепки:

— Четыре года лишения свободы...

“Сейчас закроют?!” — заломило внутри. Невольно глянул в сторону двери: пристав оттолкнет мать, и щёлкнут наручники на руках сына.

Но через секунду также глухо:

— Условно. Три года испытательного срока...

Федина как ошпарило — не оправдали, и отлегло — не посадили.

Он ещё собирал бумаги со стола, как метнулась вперёд мать, как взмахнул руками студент, как полетели возгласы:

— Да как ты мог! Что ты от него хочешь?! Как? Ведь он же ничего...

Федин заметил: за судейским столом уже никого не было. А мать с растрёпанными волосами и воспалённым лицом металась по узкому пространству. Боясь, как бы чего не вышло, сказал:

— Вы тут осторожней... ведь судья может и закрыть...

Это подействовало отрезвляюще.

Чуть не поскользнувшись на порожках суда, адвокат остановился на ровном месте:

— Что вы хотите...

— Но ведь! — фонтанировало из матери.

— Давайте в себя сначала придём и потом обсудим...
— Что обсуждать: здесь правды нет! Идём в городской суд!..
— Хорошо, будем обжаловать, — успокаивал адвокат, застёгивая куртку на все кнопки и поправляя шерстяную шапочку на голове.
В отличие от своих клиентов, он боялся заболеть.

Выезжал из Москвы на автобусе, а на душе было: что же это за борьба с наркотиками! Надо сажать наркобаронов, а ловят мелюзгу...

Серая муть реки вдоль набережной наводила на мысли о торжестве скверны в жизни, которую протокой не вынести. Так же серело небо, говоря о серости жизни под ним. Жизни, которую и жизнью не назовёшь, а скорее уничтожением... И, не желая больше видеть паскудство, закрывал глаза, а в них возникали сморчок-следователь, худощавый опер, пузатый его коллега, Куродов в клетке, металась с растрёпанными волосами мать и взмахивал руками студент перед похожим на монаха говоруном с чёлочкой и зальсинами. Стало горько-горько. Выпить бы да отключиться!

Он почувствовал, как стреляет в ушах, как прыгает давление. Если бы в этот момент он вылез из автобуса, упал бы от головокружения.

Теперь пил таблетки: четыре с утра, две в обед и четыре ко сну.

На Новый год написал жалобу, отправил в суд и думал, когда вернётся его рабочая адвокатская форма. Прилетевшая от матери студента Путилина СМСка взбудрила: “Старому году оставьте печали, забудьте обиды, тревогу, беду — только здоровья, счастья, успехов в Новом году!”

Через снега, заносы тянулось ожидание последнего боя. С пропаданием холодов спадали дозы таблеток. Звонили из Тимирязевского суда и напоминали о деле, которое ушло в Мосгорсуд.

Он ехал на заседание, немного расслабившись: без обычного состояния сжатой пружины, явно с прохладцей подходил к завершающей схватке.

А за окном вагона почернелой, подрыжелой чересполосицей улетали поля и рощи. Он прятал голову от бившего в голову солнца, разминал сердце под мышкой и зевал. “Держись, адвокатура!”

В Москве, боясь опоздать, искал маршрут на Богородицкий вал и радовался, что пору весенней суши не сменили дожди.

Проехав в подземке, выбрался на дневной свет, и на трамвайчике завидел по ужавшимся в старину с прожилками советский поры улочкам. Сердце сжималось оттого, что Воронеж лишили такой роскоши: трамвай уничтожили.

За Преображенским кладбищем увидел статую петровского воина:

— Пётр Первый строил! А эти разрушают....

Трамвайчик подкатил к зданию городского суда. Огромному, как “Титаник”...

Попал под огромный свод, откуда змеями на несколько этажей устремились беззаконные коридоры с трафаретными, как на нижних палубах корабля, стенами. В них налепило двери в залы, оттуда непременно должно было повеять свежестью и теплом.

В торце очередного прохода нашлась дверца с нужной табличкой.

Появились студент Путилин, который, казалось, и через десять лет останется таким же худым, его мать с вечно растрёпанными волосами и изящный, с иголки одетый коллега. Федин знал манеру москвича сверять свои мысли полушёпотом. Они уединились в углу, пока не позвали в зал, который из окон озарился дневным светом.

Адвокаты сели за столик, студент — за столик за ними, дальше, в глубине, на скамье мать. “Хоть на этот раз без книжки”, — отметил Федин.

Стол в стороне занял молодежавый брюнет в синем кителе. Вот с кем будем тягаться... За широченный стол на возвышении прошли кряжистый шатен, за ним худая, которую вполне можно было назвать “дохлой кошкой”, блондинка, и скуластый, с изрезанным глубокими морщинами лицом второй шатен. “Кашевары”, — мелькнуло в голове Фебина.

Чёрные мантии на судьях разве что цветом отличались от халатов на поварах. Блондинка оказалась выше устроившихся по бокам от неё шатенов. Полился её тоненький голосок; Федину подумалось: таким голосом матери усыпляют малюток.

Лицо блондинки ещё больше вытянулось от двух вертикальных ямочек на щеках: она говорила о жалобах адвокатов и студента.

Шатены по бокам, как два барбоса, приготовились либо кого-то покусать, либо облизать.

Дали слово Федину. Он пошёл изливаться фразами, вовсе не боясь сказать лишнее. Видимо, пружине в нём и не нужно было сжиматься: история студента давно нашла прочное место в голове и в каждом желудочке сердца. Он как штамповал:

— Мы имеем дело с провокацией... Опера нашли гнусного доносчика...

Его не оборвали на слове “доносчик”.

— ...угробил сорок душ!...

Слышал, как сзади вздохнула мать.

— Предлагали студенту мерзкую сделку... Заставить однокурсника купить наркотики... Вытащить на их территорию... И они его хлопнут...

Федин видел, как бледнела блондинка.

— Вот эти хлопальщики и нахлопали... — закончил Федин и сел.

Коллега начал тяжело. Ему трудно было с ходу взять заданную Фединым планку. Он стал продавливать своё. Блондинка поставила заострившийся подбородок на кулачок.

Поднялся прокурор и понёс свои “мяу-мяу”. Федин ждал того момента, когда “барбос” кинется на “кошачку”. Что и произошло:

— Вы слышите, что творят адвокаты?.. — раздалось похожим на лай басом.

В заключительном слове Федин просил:

— Оправдайте.... Остановите сыщиков... Спасите наших детей...

— В деле нарушений не счесть! — гневался адвокат москвич.

— Я не виноват... — мурлыкал Путилин.

Когда судьи змейкой вышли из зала, коллега спросил Федина:

— Ну, как по вашему мнению?

— Думаю, неплохо.

Полтора года с того дня, как взяли студента, сжались в минуты. В ушах свистело. В душе мешалось столько событий, которые, казалось, судьи не разберут и за сутки. Прокурор ходил по комнате.

— Такого бы в море выбросили за борт, — улыбнулся Федин.

Казалось, благодаря делу студента они отшвартовались от одного берега жизни, чтобы причалить к другому берегу, где нет подстав оперов, где не пожирают людей, где нет стукачей, которые ради мелкой выгоды готовы принести в жертву другого, где судьи судят от сердца, где душа поёт.

До торжества справедливости, казалось, один шаг. Федин неистово ждал этого. Раздался щелчок в двери. Тройка заняла свои места. Федин замер: начинается новая эра! Приговором открывается эпоха любви к человеку. Уходит в прошлое бездушное обращение с каждой божией тварью. Как в подтверждение старта к новой жизни, зазвучал тоненький голосок, который не мог произнести иного, как оправдать. Ещё чуть-чуть, и человечество заживёт!

— Жалобу отклонить.

Что-что?! А голосок:

— Понятно?

Выходило, одним голосом можно было спеть и колыбельную, и заунывную. В Федине ещё металось: мне непонятно!

Тройка покинула зал. Адвокат из Воронежа стоял несчастным. Рядом сгребал со стола бумаги коллега из Москвы. Куда-то исчез прокурор. Мать кричала вслед тройке:

— Пусть ещё сорок упекут! Ваших детей!..

Студента не упекли. Но и не оправдали. Четыре и три. Как на первом суде, как на втором, так же и теперь. Путилин получил судимость и теперь

обязан был жить под неусыпным контролем властей, тогда как в контроле скорее нуждались усадившие его на скамью подсудимых сыщики, следователи, прокуроры, судьи. “Титаник” Мосгорсуда не оказался кораблём на острове счастья.

Федин уходил молча. Он испытывал невообразимую горечь: всю жизнь его сопровождали такие вот вердикты судей, закрывавших глаза на мир.

Сушью веяло от тротуара, от копоти машин, от слепившего солнца, от пересохшего горла. А в ушах стояло:

— Пусть ещё сорок упекут!

Когда в поезде врывался в темень просторов, в сознании огромным корпусом разворачивался “Титаник”, который пытался уплыть на необбетованную землю, и откуда-то издали раздавался тревожный голосок Софийки: “Деда, ты как?”

А под языком у деда расплывалась таблетка.